

Глава 3. Разлад между господином и слугой

Шайка разбойников, величавших себя удальцами с горы Байчжан, поспешно ретировалась, унося тело своего предводителя. Хэ Ваньли покончил с собой одним ударом ладони, и теперь его подручным оставалось лишь спастись бегством.

Заходящее солнце зацепилось за горный хребет, сумерки сгущались, и пятна крови на дороге потемнели, сливаясь цветом с придорожной грязью. Чжуан Шаогун застыл как вкопанный. Его терзали сомнения: не сказал ли он чего лишнего? Не совершил ли роковую ошибку, ставшую причиной чужой смерти?

— Молодой господин, негоже время терять, — возникчий отодвинул с дороги срубленное дерево, подхватил брошенные узлы и, захлопнув крышку сундука из красного дерева, вскинул его на плечо. Недолго думая, он перетащил всё добро, оставленное разбойниками, в повозку. — Прощу, садитесь. Нужно подыскать место для ночлега.

Шаогун наконец пришёл в себя. Сумятица в его душе лишь усилилась.

— Это же награбленное... Как ты смеешь прикасаться к этим вещам?

— В том-то и дело, что награбленное, — невозмутимо отозвался возникчий. — Бросим здесь — подберёт какой-нибудь бедолага-крестьянин, и тогда на него повесят всех собак. Будет новое несправедливое дело.

Шаогун долго молчал, прежде чем кивнуть:

— В твоих словах есть резон. Придётся передать всё властям.

— Как прикажете, — возникчий помог ему подняться в повозку. — Только здесь места глухие, закон далеко. Местные чинуши от лесных грабителей ничем не отличаются — живо прикарманят добычу. Доедем до Юнчжоу, найдём управу посolidнее, там и разберёмся.

У Шаогунa не оставалось выбора. Вздохнув, он юркнул внутрь. Вид безмятежно спящего Умина, свернувшегося на сиденье, немного его успокоил. Но следом пришло странное чувство. Нападение разбойников, самоубийство главаря... А возникчий и этот «мёртвый воин» семьи Чжуан вели себя так, словно ничего из ряда вон не произошло.

Шаогун взял бурдюк с водой, перелез через перекладину и подсел к возничему.

— Друг, — он откупорил бурдюк и протянул его мужчине, — ты весь день правил лошадьми, устал, верно? Испий воды.

Возничий одной рукой придерживал поводья, а другой принял бурдюк, усмехнувшись:

— С чего бы это молодому господину называть меня другом?

— Я лишь хотел узнать твоё имя.

— Вы слишком добры, — рассудительно ответил тот. — Моя фамилия Ма. А имени я пока не придумал.

Шаогун лишился дара речи.

— Как это — не придумал?

— Я не ожидал, что вы спросите, вот и не успел подготовиться. Во Вратах Бедствий меня зовут просто Возничим. Можете звать так же, ну или Ма-возничим. В конце концов, пусть фамилия будет Ма, а имя — Чэфу, то бишь Возничий. Как вам такая затея?

Шаогун покосился на него с подозрением:

— Сдаётся мне, ты надо мной подшучиваешь.

— Да как я посмею? — Ма вернул бурдюк и, кивнув на занавеску, понизил голос: — У «того, что внутри», имени ведь тоже нет.

Шаогун вздрогнул, понимая, что речь об Умине.

— Разве Умин — не имя?

— Конечно нет. «Тот» даже человеком быть не желает, станет ли он утруждать себя выбором имени? Мы просто не знали, как его величать, вот и прилепилось прозвище — Безымянный, то бишь Умин. Те, кто его не боятся, зовут так. А те, кто боятся... те за глаза величают его Богом чумы.

У Шаогуна поползли мурашки по спине. Помолчав, он вдруг спросил:

— Союз Неба и Земли — это очень страшно?

— Страшно? — Ма хмыкнул. — Не берите в голову. Обычное сборище торгашей, которые научились махать кулаками. Ничего особенного.

— А глава союза, господин Е? Он... он внушает ужас?

При упоминании главы Е Ма оживился.

— О, это Человек с большой буквы. Он ещё из чрева матери вылез с желанием творить справедливость. Говорят, в детстве нищие воспользовались его добротой и похитили парня. К счастью, его отец — лучший наёмный убийца в поднебесной — выгрыз сына в кровавой сече. С тех пор Е Бай спит и видит, как бы помочь страждущим. Сколько раз его обманывали — не счесть, но судьба к нему благосклонна. Он искоренил остатки демонических культов, поддержал клан Тан, распустил собственных киллеров... Теперь его слава гремит повсюду, а Союз Неба и Земли — венец его трудов.

Лицо Шаогуна побледнело.

— Значит, глава Е — благородный герой и совсем не страшен?

— Именно. И дело своё правит по совести, за что и уважаем в народе.

Шаогуна окончательно всё понял. Он вернулся в повозку и бесцеремонно растолкал спящего Умина. Тот нехотя разлепил веки, потянулся и беспардонно закинул ноги на противоположное сиденье, едва оставив хозяину место. Его холёный, расслабленный вид окончательно вывел Шаогуна из себя.

— Умин, отвечай: того разбойника Хэ убил ты?

Умин едва заметно нахмурился, словно ему не хватало переводчика, и лениво облизал пересохшие губы.

— Я сразу почуял неладное. Те люди испугались вовсе не господина Е. Они дрожали перед тобой, перед «Богом чумы». Я прав? Пускай они стали налётчиками, но не заслуживали смерти! Даже если они преступили закон, их следовало отдать под суд...

Умин, казалось, пропускал слова мимо ушей. Он прислонился к стенке и, склонив голову, в упор рассматривал Шаогуна. Тот не мог поверить, что этот с виду безобидный юноша — хладнокровный палач.

— Умин, кто ты такой на самом деле? Зачем ты лишаешь людей жизни?

Умин глубоко вздохнул и нахмурился.

— Я не человек, — голос его был тихим, слова тягуче перетекали одно в другое, но в конце зазвучали твёрдо и властно: — Я — оружие.

Шаогун пристально посмотрел на него и процедил сквозь зубы:

— Ты и впрямь не человек. Ты — безумец!

Умин ответил ему долгим взглядом и снова свернулся калачиком, отвернувшись к стенке.

— В этом мире не бывает безумного оружия, — бросил он через плечо. — Бывают только безумные молодые господа.

— Ты невыносим! — Шаогун вспыхнул, чувствуя, как его благородный гнев разбивается о стену равнодушия. — У того человека остались жена и дети. Ты разрушил их жизни, а на меня повесил долг крови!

— Раз ты это понимаешь, тем лучше, — Умин, кажется, едва заметно усмехнулся. — Всех, кого я убил, запишут на твой счёт.

— Останови машину! — в ярости выкрикнул Шаогун.

Ма тут же натянул поводья. Колёса замерли, занавеска качнулась, впуская серый сумрак.

— Умин, ты — приживальщик в моём доме. Мой отец кормит тебя, я относился к тебе с почтением, но ты перешёл все границы. Ты совершенно не знаком с дисциплиной.

— Я всего лишь клинок, — Умин сел, не сводя с него глаз. — Как использовать — ваше дело. О каком непослушании речь?

—... То есть ты будешь меня слушаться?

— Разумеется, — лениво отозвался юноша, но тут же его плечи дрогнули, он поморщился и прижал платок к лицу, сдерживая кашель.

Сердце Шаогуна ёкнуло, но он вовремя одернул себя, решив, что это наглая игра на жалость.

— Тогда пошёл вон из повозки.

Умин подчинился без единого слова. Он неспешно выбрался наружу и выпрямился во весь рост. Шаогун достал слиток серебра и швырнул его юноше:

— Ты убил человека — вот тебе деньги. Иди и сдайся властям!

Умин ловко поймал серебро. Лицо его осталось бесстрастным.

— Хорошо.

Шаогун здраво рассудил, что Умин вряд ли пойдёт с повинной — скорее уж пустится в бега. Но эта смерть теперь лежала на совести самого Чжуана. Когда он доберётся до родителей и встретится с главой Е, то честно признается, почему не может участвовать в состязании за руку его дочери. На нём висит убийство, какая уж тут свадьба? А потом он сдаст драгоценности разбойников в управу.

Сделав всё, что велел долг чести, Шаогун велел возничему трогаться.

Без Умина в повозке стало просторнее. Да и на душе у Шаогуна вроде как полегчало. Прохладный ночной ветер остужал его пылающую голову, и в тишине на ум пришли наставления из мудрых книг:

«Коль близкий совершил проступок, не клейми его позором и не бросай в беде. Коль ныне он во тьме, наставь его завтра. Лишь душевным теплом можно растопить лёд — в этом истинный путь».

Его обожгло раскаянием. Умин ведь совсем юн и не ведает, что творит. Пускай он, Шаогун, решил взять грех убийства на себя, зачем же было выгонять мальчишку? Все эти «мёртвые воины» — сироты. Теперь бедняга остался один, без крова и защиты, пойдёт скитаться по дорогам... Сердце сжалось от жалости.

— Мастер Ма, — не выдержал Шаогун, — поворачивай назад. Нужно забрать Умина.

— Неужто молодой господин передумал? — усмехнулся возничий. Он не сбавил ход, а напротив, приударил коней.

— Да, я был неправ. Умин убивал, чтобы защитить меня. Даже если он совершил ошибку, я не должен его бросать.

— Ваша правда, — отозвался Ма. — «Тот» наверняка оценит вашу доброту. Но на дворе ночь, в лесу волки да тигры, я с ними в одиночку не совладаю, да и лошади притомились. Через ливерную милю будет «Лавка забоя овец». Там и коней накормим, и сами рассудим, что делать.

«Лавка забоя овец» — так называлась единственная в округе гостиница.

В этой лавке никогда не резали баранов, да и отар поблизости никто не держал. Но недостатка в «баранине» там не знали. На воровском жаргоне «овцой» звали зазевавшегося путника, а «бараниной» — человечину.

Ни о чём не подозревающий молодой господин позволил возничему подкатить к самому порогу. Шаогун спрыгнул на землю. Вокруг стояла глухая тьма, горы чернели на фоне звёздного неба, в траве стрекотали сверчки. Из гостиницы струился свет и доносился аппетитный запах жареного мяса.

К ним выскочил прислужник в потрёпанной одежде.

— Ой, господа хорошие! Поужинать желаете или на покой?

Шаогун огляделся. Внутри было уютно, пахло вином.

— Будь добр, накорми лошадей досыта, — он протянул слуге связку монет. — Нам фунт говядины и пять мант. Приготовь факелы, мы сразу уедем.

Он всё ещё надеялся успеть к Умину, пока того не задрали звери.

Слуга замер, смахивая пыль со стола грязной тряпкой, и криво усмехнулся:

— Слышь, мил человек. Наше заведение зовётся «Лавкой забоя овец», а ты говядину кличешь да манты. Уж не ссоры ли ищешь?

— Если заведение так называется, разве в нём не могут подавать другие блюда? — удивился Шаогун.

— Не могут! Остальное — только для своих, для челяди!

Шаогун замялся.

— Ну, раз для своих, так и ладно. Рыба или жареные овощи тоже сойдут.

Слуга недобро взглянул. Он процедил сквозь зубы:

— У нас. Только. Баранина!

Шаогун не стал спорить. Ему нужно было скорее забрать Умина, так что плевать на меню. В главном зале стояли грубые столы и скамьи, у стены громоздились винные шкафы и чаны, покрытые красной тканью.

В свете качающихся ламп за центральным столом пировал какой-то важный гость. Стол ломился от яств — горы деликатесов, не меньше дюжины блюд. Юная дева в алых одеждах, гибкая как лоза, обнимала сотрапезника, поднося ему яшмовый кувшин и нежно нашептывая

что-то на ухо.

— Не липни ко мне, — вяло отозвался тот. Лицо его было бледным, болезненным. — Ты слишком тяжёлая, раздавишь.

Шаогун замер, и лицо его вмиг преобразилось. Увиденное никак не укладывалось в голове. За столом сидел юноша с аккуратной причёской, изящный как резная кость, с тем самым отсутствующим видом, который невозможно спутать ни с чем.

— Умин... — Шаогун едва выдавил имя сквозь стиснутые зубы.

Тот неспешно повернул голову и равнодушно кивнул, подтверждая: «Да, это я».

Шаогун закипел. Он подлетел к столу, хотел было стукнуть по нему кулаком, да не нашёл свободного места — везде стояли тарелки с курятиной, уткой, рыбой и даже целый поросёнок, блестящий от жира.

— Ты... — Юноша и дева уставились на него. Шаогун задыхался от возмущения. — Ты... ты просто невыносим!

Умин отложил обглоданную куриную ножку и с искренним непониманием спросил:

— В чём же я тебя не послушался?

Шаогун нервно рассмеялся:

— Я дал тебе серебра на дорогу, велел пойти и сдать властям, а ты здесь... жируешь в кабаке?!

— Вообще-то, это я его угощаю! — вклинилась девица в красном. — И не на твоё серебро!

Умин перевёл взгляд на неё. Девушка тут же прикусила язык и опустила голову.

Шаогун замолчал, пытаясь совладать с собой.

— Что ж... Между нами всё кончено. Всякая дружба...

— Ха, какая ещё дружба? — резонно заметил Умин. — Я — мёртвый воин, которого приютил твой батюшка. И только.

Шаогун не удостоил его ответом. Он мнил себя благородным мужем, следующим пути учёности, и не опускался до споров с этим жестоким негодяем. Отойдя к другому столу, он велел подать ему тарелку баранины и уже занёс палочки, чтобы приступить к еде.

— Это человечина, — негромко сказал Умин.

Шаогун замер. Лицо его стало землистым. Он гневно воззрился на юношу — неужели тот решил извести его своими издёвками?

— Это чистая правда, — Умин поманил слугу и прижал его руку к столу. — А ну, скажи ему: что это за мясо?

— Человечина... — пролепетал слуга, обливаясь потом и судорожно вытирая лицо тряпкой. — Это человечина!

Шаогун не повёл и бровью.

— Ты убиваешь людей не моргнув глазом. Коли ты скажешь, что олень — это лошадь, этот бедолага поддакнет из страха.

— Тогда ешь, — безразлично бросил Умин.

Шаогун замер с палочками в руках.

— После таких басен... какой уж тут аппетит.

Умин замолчал. Он неторопливо отломил ножку поросёнка и принялся методично её жевать. Шаогун чувствовал, как в животе начинает урчать от голода. Аромат чужого пиршества был невыносимо соблазнителен. Он невольно покосился на роскошный стол.

— Я не дам тебе это съесть, — произнёс Умин, даже не поднимая головы.

— Вижу, — буркнул Шаогун. — Ты просто жадина.

Дева в красном не выдержала и прыснула, рассмеявшись Шаогуну в лицо:

— Ну ты и простофиля! Он тебе есть не даёт, а ты даже не спросишь — почему?

Шаогун не чувствовал к ней злобы, лишь лёгкую брезгливость из-за её развязности.

— И почему же? — сухо спросил он.

В то, что куры и рыбы тоже сделаны из людей, он верить отказывался.

— Потому что, — девица прильнула к Умину, нежно ластясь к нему, — в еде яд.

<http://bllate.org/book/17481/1692640>